
Н. П. ГУЛЯЕВА

СЕМЕЙНО-БРАЧНАЯ СТРУКТУРА ГОРОДА КРАСНОЯРСКА, 1785 Г.

В статье представлены предварительные результаты изучения исповедных росписей приходов Воскресенского собора и Покровской церкви г. Красноярск за 1785 г., включавших все население города. Рассматриваются такие параметры, как возрастно-половая структура, размер и структура домохозяйств, возраст вступления в брак и возраст деторождения, разница возрастов супругов. Анализ по всем направлениям выполнен с учетом социального статуса. В результате автор приходит к выводу о существенных отличиях характеристик исследуемой популяции от сопоставимых по времени и описанных в литературе сообществ, проживавших на территории Украины, Европейской России и Урала. Это меньший размер домохозяйства; более поздний брачный возраст и возраст деторождения как для мужчин, так и для женщин; сравнительно небольшое количество детей, одновременно проживающих с родителями; большая зависимость семейного статуса от социального для мужчин, нежели для женщин; большая доля брачных пар, где жена старше мужа; большая доля домохозяйств, возглавляемых вдовами. Вместе с тем прослежено сходство относительно преобладания двупоколенных семей, с меньшей долей трехпоколенных, еще меньшей – однопоколенных и единичными случаями четырехпоколенных. В отдельную группу выделены домохозяйства, в состав которых входит более одной семьи, прослежена зависимость характера связей между такими семьями от их социальной принадлежности.

Ключевые слова: *исповедные росписи, возрастно-половая структура, брачный возраст, возраст деторождения, демографическая нагрузка, разница в возрастах супругов, количество детей на женщину, структура домохозяйства.*

В настоящей работе представлены предварительные результаты изучения исповедной росписи церковью Красноярского приказа Тобольской епархии за 1785 г. Данный документ находится в фондах Красноярского краевого краеведческого музея (КККМ ВХР 928).

Исповедные росписи – это своего рода отчетные документы, составляемые по каждому приходу православной церкви с указанием, кто из прихожан был / не был в течение года на исповеди и при-

части. К концу XVIII в. формуляр росписей устоялся. Согласно принятой практике, черновой экземпляр оставался на хранении в приходской церкви, а чистой отсылался вышестоящему начальству.

В чистовом варианте исповедные росписи включали последовательное перечисление всех лиц по домохозяйствам с указанием сословной принадлежности, возраста и отношения к главе семьи. Таким образом, этот вид документов позволяет получить своего рода единовременный срез населения и провести социально-демографический анализ по всей генеральной совокупности, в данном случае – жителям города Красноярска на 1785 г., состоявшим в приходах двух городских храмов: Воскресенского собора и Покровской церкви.

Красноярск 1785 г. – это уездный город в составе недолго просуществовавшего Колыванского наместничества.

Воскресенская церковь, заложенная по инициативе горожан во главе с воеводой князем И. Я. Пельымским, была освящена в ноябре 1773 г. Это первое каменное церковное строение в Красноярске, просуществовавшее до 1960-х гг.

Поскольку пожар лета 1773 г. уничтожил деревянные приходскую Покровскую и соборную Преображенскую церкви, Воскресенская на некоторое время осталась единственной из действующих и приняла функции главного храма города. В состав ее прихожан входили упомянутый воевода князь Пельымский, военный комендант И. И. Брангаузен, бургомистр И. Е. Новиков, купеческие семьи Сытиных и Пороховщиковых.

Вместо сгоревшей в 1773 г. Покровской церкви была заложена новая, каменная, которая сохранилась до сих пор и с 1990 г. обрела статус кафедрального собора. В 1785 г. к приходу этой церкви принадлежали семьи ратмана И. Н. Ошарова, купцов Нашивошниковых, средней руки чиновники и пр.

Оба прихода включали не только городское, но и сельское население. Однако в рамках данной работы целью является моделирование демографического поведения горожан, и поэтому жители деревень не рассматриваются.

При этом приходится учитывать ряд моментов:

1. В росписи отсутствуют дети младше года. Скорее всего, из-за высокой младенческой смертности указывать их просто не считали нужным.

2. В документе последовательно выделены группы священнослужителей, военных, чиновников, казаков, мещан, крестьян, поселенцев, ясачных. Однако достаточно часто группы объединяются и/или смешиваются. Например, в группе «военные» могут быть перечислены все военные, а может быть выделена группа «военные батальонные», подразумевающая штатную численность Красноярского отдельного батальона, и дополнительно группа «военные иррегулярные и казаки». В таком случае в последнюю включаются и отставные солдаты, и дети боярские, и собственно казаки. При отсутствии прямых указаний непосредственно возле фамилии того или иного лица порой возникают сложности при определении его социальной принадлежности.

В некоторой степени это касается и группы чиновников. Принято, что к этой группе относятся служащие гражданских ведомств с указанием классного чина и/или должности, а также канцеляристы, копиисты, письмоводители и пр. Хотя, разумеется, теоретически не исключено, что последние могли служить не в государственных, а в частных или общественных структурах.

В группу священнослужителей вошли все лица духовного звания.

В группу ссыльных/поселенцев включены приписные, присланные, сосланные – то есть все, чье переселение в Сибирь было недобровольным.

В группу «без определенного статуса» вошли те, чье социальное положение либо вообще никак не обозначено, либо они занимают в составе домохозяйства подчиненное положение и обозначаются как подворники, работники, посельщики и даже товарищи (товарищ солдата, товарищ присыльного крестьянина).

3. Дворяне как отдельная группа в красноярских росписях отсутствуют. Это вызвано особенностями Сибири, где дворянство было либо приезжим по делам службы из европейской части России, либо выслужившим классный чин. Таким образом, статус большинства лиц дворянского звания был связан не столько с сословным, сколько именно со служебным положением. В исследовательских целях эта категория сформирована только из лиц, которые принадлежат к данному привилегированному сословию, но о военной или гражданской службе которых ничего не сказано. Соответственно, отнести их к военным или чиновникам невозможно.

Лица со статусом «дворовые», «крепостные» составляют единую группу. Это еще одна специфическая для Сибири категория. При отсутствии крепостного права на территории региона здесь

не было частновладельческих крестьян, посаженных на землю. Однако отправляясь к месту службы из европейской России, чиновник или военный мог привезти с собой крепостных для личного удобства. Таким образом, представители данной социальной группы тесно связаны с категорией дворян, что и демонстрируют особенности их расселения. Только одно из домохозяйств дворовых является самостоятельным, все прочие проживают вместе с семьями своих владельцев.

4. Домохозяйство не всегда совпадает с семьей, так как под одним местом жительства могут значиться представители разных фамилий и даже разных социальных групп. В некоторых ситуациях это объясняется особенностями социального статуса главы домохозяйства. Упомянутые выше дворяне и дворовые являются наиболее ярким примером. Так, на подворье у князя Пелымского проживало 22 человека, но к его семье принадлежали только жена и сын. Остальные – это дворовые князя, среди которых выделяются три семейные пары с детьми, а также неженатые/незамужние. В иных случаях можно предполагать поселение под одной крышей нескольких семей солдат, ссыльных. Возможно казенное или съемное жилье у чиновников.

5. Характер источника не позволяет установить уровень материального благосостояния домохозяйств и семей.

6. Этническая принадлежность не указана. Можно предполагать, что ясачные принадлежали к коренным народам Сибири, однако более точное определение затруднительно. Анализ фамилий в данном случае не дает результата, поскольку проживающие на территории Красноярска ясачные записаны как Юсуповы, Филатовы.

7. Из исповедных росписей достаточно просто получить статичную картину, но для того, чтобы проследить демографические процессы, необходимо выполнить ряд преобразований, о чем будет сказано ниже.

Начнем с общей характеристики исследуемой совокупности.

Всего рассмотрено 390 домохозяйств, в составе которых учтено 447 семей и 2325 человек. При этом средний размер семьи определяется в 5,2 человека, домохозяйства – 6 человек, максимальный – 22, модальный – 7, минимальный – 2. При этом среднее число членов семьи существенно различается в зависимости от социальной принадлежности (см. табл. 1).

Таблица 1

Средний размер семей с учетом социального статуса

Социальный статус	Количество человек	Количество семей	Человек на семью
без определенного статуса	42	9	4,7
военные	355	82	4,3
дворовые/крепостные	52	11	4,7
дворяне	10	3	3,3
дети боярские	24	4	6,0
казаки	356	69	5,2
крестьяне	927	158	5,9
купцы	156	28	5,6
мещане	264	47	5,6
священнослужители	37	10	3,7
ссылные/поселенцы	25	7	3,6
чиновники	66	17	3,9
ясачные	11	2	5,5

Интересно, что наибольший размер домохозяйства характерен не для священников, как в Европейской части России (Миронов 2009), а для детей боярских. За ними следуют крестьяне, купцы и мещане, затем ясачные, военные, казаки дворовые, военные, чиновники и только потом священнослужители, ненамного опередив ссыльных/поселенцев.

Некоторые группы ввиду их малочисленности невозможно подвергнуть статистическому анализу. Поэтому при исследованиях по конкретным параметрам представлены данные не по всем категориям, а только по отвечающим требованиям достоверности.

Рассмотрим возрастную-половую структуру населения Красноярска на 1785 г. В первую очередь остановимся на соотношении возрастов женщин с учетом социального положения. Выделение возрастных групп и у женщин, и у мужчин проводилось с учетом общих представлений о фертильности и трудоспособности (см. табл. 2). Таким образом, были образованы всего три группы по возрасту: незрелые (до 15 лет), зрелые (16–50 лет) и пожилые (старше 50 лет).

Приведенные данные демонстрируют резкое преобладание численности взрослых женщин над численностью девочек и пожилых. Только у военных наблюдается некоторое равенство между детскими и взрослыми возрастными группами, но в этой же группе меньше всего пожилых женщин (см. табл. 2, рис. 1).

**Распределение женщин по возрастам с учетом
социального положения**

	все	казаки	военные	крестьяне	мещане	купцы	священнослужители	поселенцы	без определенного статуса	ясачные	дворяне	дети боярские	чиновники	дворяне
девочки (1–15 лет)	411	64	77	158	49	27	6	4	4	0	3	5	11	3
%	34	34	45	32	35	35	30	36	17	0	11	36	29	50
женщины (16–50 лет)	624	101	82	244	68	42	12	6	11	6	23	5	21	3
%	52	54	48	50	49	54	60	55	46	100	85	36	55	50
пожилые женщины (старше 50)	175	22	12	87	22	9	2	1	9	0	1	4	6	0
%	14	12	7	18	16	12	10	9	38	0	4	29	16	0
всего женщин	1210	187	171	489	139	78	20	11	24	6	27	14	38	6
девочек на женщину фертильного возраста	0,7	0,6	0,9	0,6	0,7	0,6	0,5	0,7	0,4	0,0	0,1	1,0	0,5	1,0
детей на женщину фертильного возраста	1,3	1,2	1,8	1,2	1,4	1,3	1,1	1,5	1,0	0,3	0,6	1,8	0,8	1,3

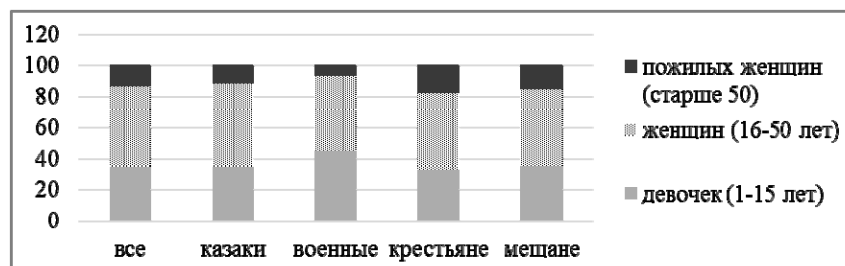

Рис. 1. Распределение женщин по возрастам с учетом социального положения (%)

При этом девочек на женщину фертильного возраста приходится меньше единицы по всем социальным группам без исключения,

а детей обоих полов – не более 1,8, что намного меньше, чем в Европейской России (Стрекалов, Стрекалова 2018).

Схожая картина наблюдается и у мужчин (см. табл. 3, рис. 2). Незначительным отличием можно считать несколько меньшую долю взрослых по сравнению с женщинами и чуть большую долю пожилых. Последняя наиболее весома у казаков.

Многие исследователи Украины (Ночовный 2014; Сакало 2010), Европейской России и Урала (Авдеев и др. 2015; Банникова 2008; Васина 2015; 2016; Голикова 2006) фиксируют долю населения в возрастах старше пятидесяти в 1,5–2 раза меньше, чем в Красноярске, однако с данными по Северу России (Мацук 2019) и по г. Томску (Щеглов, Меженина 2016) она вполне сопоставима.

Таблица 3

Распределение мужчин по возрастам с учетом социального положения

	все	казаки	военные	крестьяне	мещане	купцы	священнослужители	поселенцы	без определенного статуса	ясачные	дворяне	дети боярские	чиновники	дворяне
мальчики (1–15 лет)	381	53	70	142	45	29	7	5	7	2	10	4	6	1
%	34	32	38	32	36	37	41	36	39	40	40	40	21	25
мужчины (16–50 лет)	533	75	82	216	65	39	7	6	7	1	13	4	17	1
%	48	45	45	49	52	50	41	43	39	20	52	40	61	25
пожилые мужчины (старше 50 лет)	196	38	31	79	15	10	3	3	4	2	2	2	5	2
%	18	23	17	18	12	13	18	21	22	40	8	20	18	50
всего мужчин	1110	166	183	437	125	78	17	14	18	5	25	10	28	4

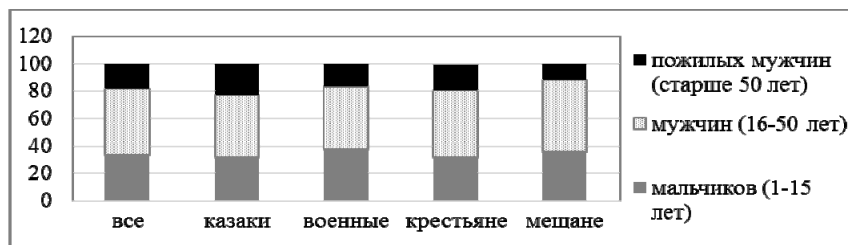

Рис. 2. Распределение мужчин по возрастам с учетом социального положения (%)

Учитывая, что распределение по возрасту мало зависит и от пола, и от социальной принадлежности, логично предположить, что оно зависело от общих условий жизни населения Красноярска в конце XVIII в.

Вместе с тем коэффициенты демографической нагрузки, рассчитанные по данным источника (см. табл. 4), показывают картину, нетипичную для традиционного общества (Миронов 1990).

Таблица 4

Коэффициенты демографической нагрузки с учетом социального положения

	все	казаки	военные	крестьяне	мещане	кушты	священники	поселенцы	без определенного статуса	ясачные	дворяне	дети боярские	чиновники	дворяне
нагрузка детьми	0,7	0,7	0,9	0,7	0,7	0,7	0,7	0,8	0,6	0,3	0,4	1,0	0,4	1,0
нагрузка пожилыми	0,3	0,3	0,3	0,4	0,3	0,2	0,3	0,3	0,7	0,3	0,1	0,7	0,3	0,5
общая нагрузка	1,0	1,0	1,2	1,0	1,0	0,9	0,9	1,1	1,3	0,6	0,4	1,7	0,7	1,5

Таким образом, получается, что на каждого жителя Красноярска, находящегося в трудоспособном/фертильном возрасте, приходится один человек, который этого возраста либо не достиг, либо уже вышел из него.

Общую демографическую нагрузку, примерно равную 1:1, фиксируют исследователи по Уралу (Банникова 2008; Васина 2009; Голикова 2006) и Томску (Щеглов, Меженина 2016), однако во всех

случаях при меньшей доле старшего поколения доля детей значительно выше, чем в Красноярске.

Учитывая, что треть демографической нагрузки обеспечивают пожилые, а на взрослую женщину в среднем приходится 1,3 ребенка, очевидно, что даже простое воспроизводство населения в долгосрочной перспективе не может быть обеспечено.

Возможно, на расчетных результатах сказалось отсутствие упоминаний в исповедных росписях о младенцах до года. В условиях очень высокой смертности именно этой возрастной группы не исключено, что общее количество детей должно быть фактически увеличено в 1,5 раза (Голикова 2006; Кискидосова 2020; Маркова 2020; Сердюк 2012).

Однако подобному предположению до известной степени противоречит результат группировки населения по пятилетним интервалам (см. табл. 5).

Таблица 5

Возрастно-половая структура по пятилетним интервалам

Возраст, лет	все		казаки		военные		крестьяне		мещане		купцы	
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
от 0 до 5	116	131	11	20	22	36	50	45	12	12	9	10
от 6 до 10	145	140	24	28	28	25	48	50	20	18	12	6
от 11 до 15	120	140	18	16	20	16	44	63	13	19	8	11
от 16 до 20	87	81	16	11	7	4	39	40	6	8	10	6
от 21 до 25	82	129	17	22	5	3	32	61	13	14	3	9
от 26 до 30	82	126	12	18	5	24	36	50	14	14	9	6
от 31 до 35	77	76	2	6	29	15	29	29	8	10	4	5
от 36 до 40	89	94	16	15	22	17	33	31	6	9	5	11
от 41 до 45	75	76	6	18	8	14	31	23	12	5	7	5
от 46 до 50	41	62	6	13	6	8	16	21	6	9	1	0
от 51 до 55	54	53	14	6	11	4	16	24	2	6	5	5
от 55 до 60	46	52	9	7	4	2	24	26	3	9	3	5
от 61 до 65	32	31	3	4	7	3	15	16	2	0	1	0
от 65 до 70	32	23	8	6	4	1	10	9	5	3	0	0
старше 70	32	30	4	1	5	3	14	15	3	5	1	2

При построении возрастно-половой пирамиды отчетливо заметно, что численность детей самой младшей группы меньше, чем последующих (см. рис. 3). Даже если сделать поправку на отсутствующих в исповедной росписи младенцев и увеличить количество детей в 1,5 раза, принципиального влияния на профиль пирамиды в целом это не окажет.

Классическим вариантом для традиционных обществ считается широкое основание, свидетельствующее о большой численности детей, и резкое сужение к взрослым возрастам при быстро истончающейся верхней части (Медков 2002).

Население Красноярска демонстрирует относительно равномерный порядок вымирания, который нарушается двумя резкими провалами численности женщин в группах от 16 до 20 и от 31 до 35 лет.

При построении возрастно-половых пирамид по социальным группам (см. рис. 4–7) особенно ярко эти провалы проявляются у казаков и военных. Кроме того, в этих социальных группах фиксируется падение численности мужчин в возрастах от 30 до 35 лет и от 16 до 30 лет соответственно.

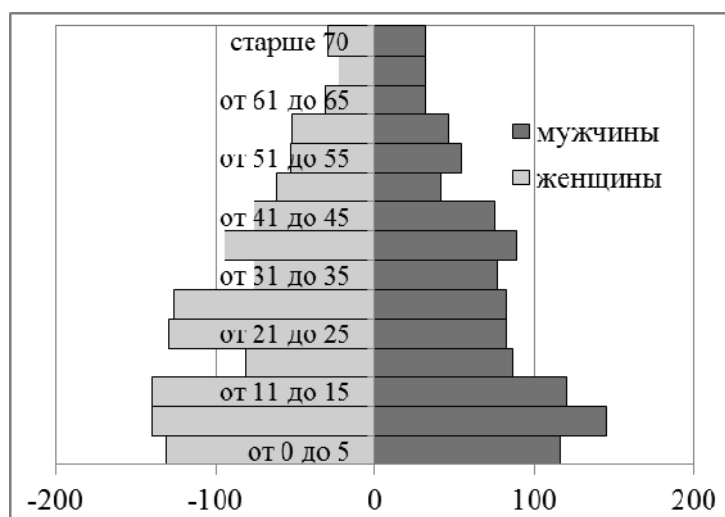

Рис. 3. Возрастно-половая пирамида г. Красноярска, все население

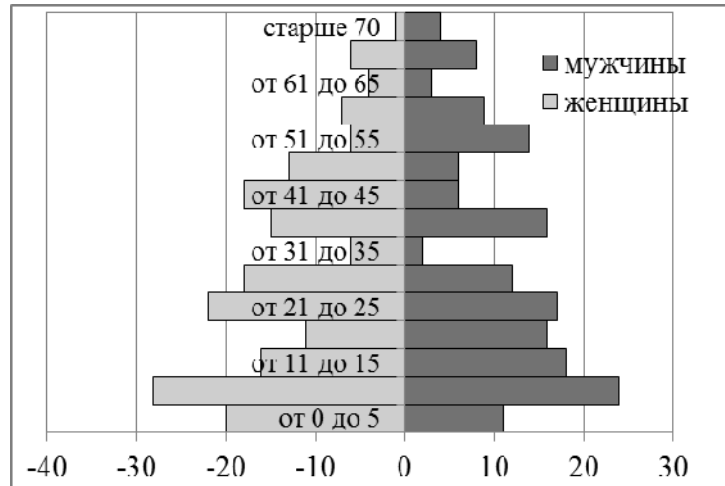

Рис. 4. Возрастно-половая пирамида г. Красноярска, казаки

В меньшей степени подобные колебания наблюдаются у мещан и почти незаметны у крестьян. Численность остальных социальных групп, к сожалению, не позволяет использовать аналогичные модели.

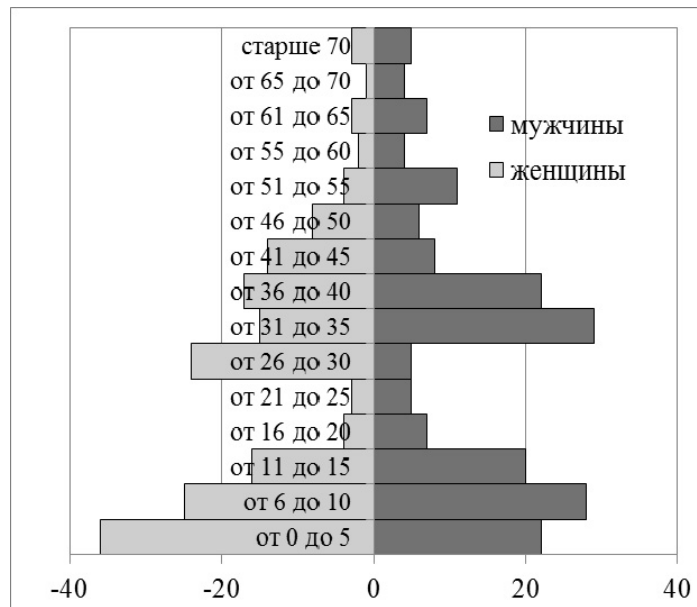

Рис. 5. Возрастно-половая пирамида г. Красноярска, военные

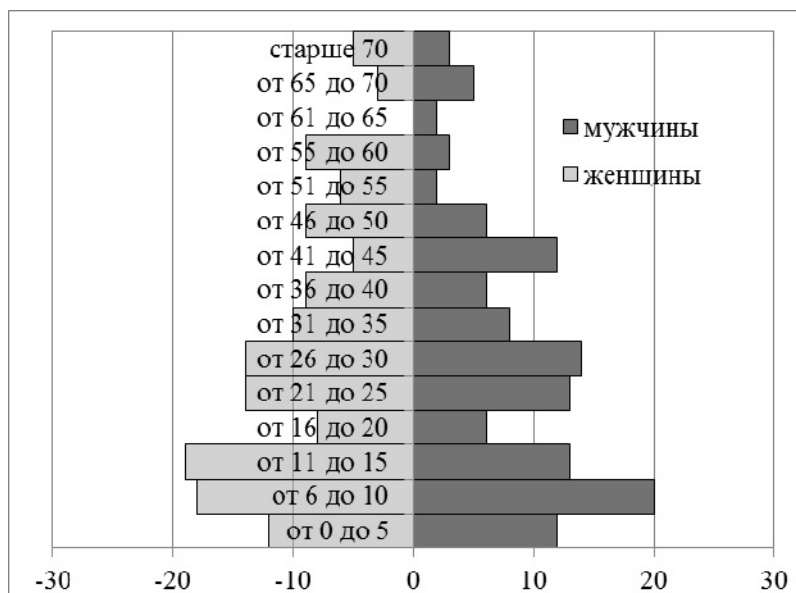

Рис. 6. Возрастно-половая пирамида г. Красноярска, мещане

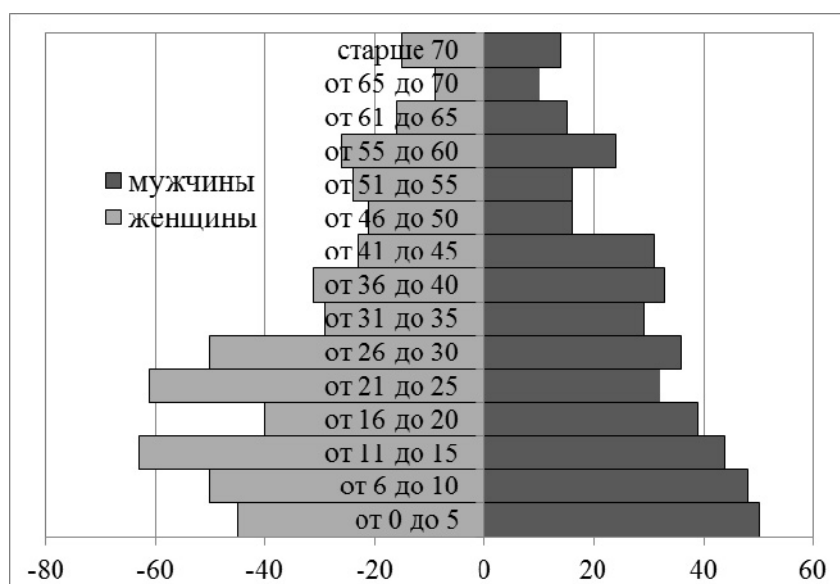

Рис. 7. Возрастно-половая пирамида г. Красноярска, крестьяне

К настоящему моменту однозначное объяснение описанной ситуации не обнаружено. Традиционное истолкование смерти юных женщин как результата широко распространенных ранних родов здесь не работает, поскольку, как будет показано далее, модальные возраста деторождения другие. Представить эпидемию или стихийное бедствие, которые избирательно действуют на определенные возрастные группы, очень сложно.

Пока рабочей остается гипотеза, согласно которой изменение численности населения по условиям связано не с естественным движением, а с социальным.

Так, солдатские дочери раньше выходили замуж, тогда как солдаты женились позже сверстников, обладавших иным социальным статусом. Аналогичная картина наблюдается в XIX в. у жителей Севастополя (Хабарова 2013).

Соответственно, сокращение числа женщин у военных может быть объяснено брачным поведением.

Солдатские сыновья не всегда наследовали занятие отцов и, возможно, поэтому, получив самостоятельность, изменяли статус на крестьян, мещан, подворников, работников и пр.

Данному предположению противоречит то, что сопоставимого увеличения численности иных социальных групп не наблюдается, что не исключает отъезд в другие населенные пункты. Слабым подтверждением может служить то, что у крестьян – самой большой и устойчивой группы – падение численности женщин в возрастах от 16 до 20 и от 31 до 35 лет выражено слабее, а у мужчин вообще не прослеживается.

Обратимся к брачному поведению. По исповедным росписям достаточно просто отследить такую важную характеристику, как разница в возрасте супругов (см. табл. 6).

Таблица 6

Разница в возрасте супругов

	все	казаки	военные	крестьяне	мещане	купцы
муж старше						
на 1–5 лет	187	23	25	77	24	18
на 6–10 лет	83	10	20	31	9	5
на 11–15 лет	46	8	10	15	2	2
на 16–20 лет	22	7	3	8	3	0
больше 20 лет	20	2	5	3	3	1

	все	казаки	военные	крестьяне	мещане	купцы
жена старше						
на 1–5 лет	105	21	10	47	14	3
на 6–10 лет	13	0	2	8	1	1
на 11–15 лет	1	0	1	0	0	0
на 16–20 лет	0	0	0	0	0	0
больше 20 лет	1	0	1	0	0	0
ровесники	53	10	6	24	6	5

Очевидно, что наибольшее количество наблюдений принадлежит диапазону, где разница возраста супругов составляет пять лет и менее. Хотя число случаев, при которых жены старше мужей, значительно меньше, чем наоборот, ни исключением, ни даже редкостью они не являются. Этого нельзя сказать обо всех иных интервалах. Чем больше разница возраста супругов, тем чаще старшим оказывается муж. Для большинства социальных групп возраст жены превышает возраст супруга не более чем на 10 лет. Причем у мещан и купцов это единичные случаи, а у казаков жен старше мужей более чем на пять лет нет вообще.

Исключение составляют военные, где зафиксировано по одному случаю, когда жены старше на 13 и на 23 года. При этом мужья, которые старше жен на 20 и более лет, встречаются во всех социальных группах. Максимальная разница в 46 лет зафиксирована у крестьян.

Поскольку распределение численных значений по всем группам однообразно (даже военные не особенно отличаются, за исключением двух описанных выше случаев), то можно предполагать, что предпочтения в определении возраста супруга являлись общими, а не зависели от принадлежности к тому или иному словию.

Разница в возрасте супругов является одним из самых наблюдаемых параметров. Большинство исследователей отмечают, что самым распространенным вариантом является ситуация, при которой муж старше жены не более чем на пять лет (Акользина 2003; Банникова 2008; Васина 2015; Маркова 2013; Хабарова 2013), что характерно и для населения Красноярска. Однако в исследуемой совокупности наблюдается и значительное число жен, которые старше мужей на 1–5 лет, чего упомянутые исследователи не фиксируют. Для Урала и Севастополя подобные случаи могут быть

оценены как редкие, а для Санкт-Петербургской губернии нечто относительно похожее наблюдается среди крепостных крестьян отдельных уездов.

Исповедные росписи не дают возможности зафиксировать момент вступления в брак, они фиксируют брачный статус человека на конкретный момент времени. Однако анализируя распределение брачных статусов по возрастам, можно сделать определенные выводы (см. табл. 7, рис. 8).

Таблица 7

Распределение брачных статусов по возрастам

возраст, лет	девицы	замужние	вдовы	холостые	женатые	вдовцы
от 0 до 5	131	0	0	116	0	0
от 6 до 10	140	0	0	145	0	0
от 11 до 15	140	0	0	120	0	0
от 16 до 20	74	7	0	77	10	0
от 21 до 25	60	67	1	45	36	1
от 26 до 30	12	93	1	17	65	0
от 31 до 35	1	93	3	8	69	0
от 36 до 40	2	82	9	4	85	0
от 41 до 45	2	69	5	4	70	1
от 46 до 50	3	49	7	1	38	2
от 51 до 55	1	37	12	2	51	1
от 56 до 60	2	32	12	2	41	3
от 61 до 65	3	15	10	2	27	2
от 66 до 70	1	9	10	4	24	4
старше 70	0	9	15	2	18	10

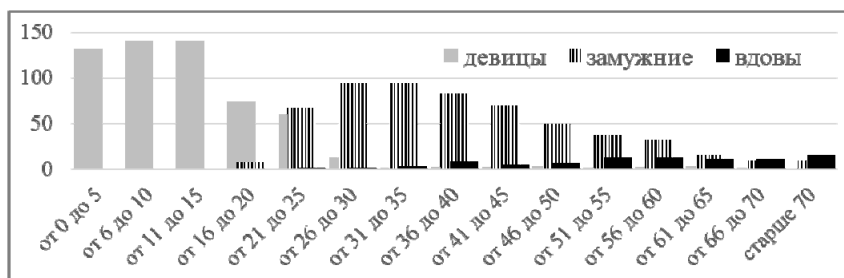

Рис. 8. Распределение брачных статусов по возрастам, женщины

В первую очередь отметим малое количество замужних/женатых в группе до 20 лет. Зафиксированный минимальный брачный возраст – 17 лет (1 женщина, 2 мужчин), а наибольшее количество случаев приходится в этой возрастной когорте на 19–20 лет (6 у женщин и 7 у мужчин).

Для женщин периодом смены статуса с девичьего на брачный является интервал с 21 до 25 лет. Если в возрасте 21 года зафиксировано 20 девиц и 4 замужних женщины, то в 23 года – 16 и 19 соответственно, а в 25 лет – 7 и 17.

Хотя самой молодой вдове 25 лет, и довольно значима доля 30-летних вдов, непрерывный ряд значений по этой группе возникает только для возрастов старше 48 лет. Скорее всего, это связано с тем, что женщины старшего возраста уже не имели возможности повторно выйти замуж.

У мужчин интервал смены брачного статуса с холостого на женатый несколько растянут и за счет этого сдвинут к старшим возрастам (см. табл. 7, рис. 9). На возраст в 21 год приходится 12 холостых и 3 женатых, на возраст в 23 года – 5 и 10 соответственно, но на возраст в 24 года – 10 и 7, в 25 лет – 9 и 10, и только к 30 годам – 4 и 13.

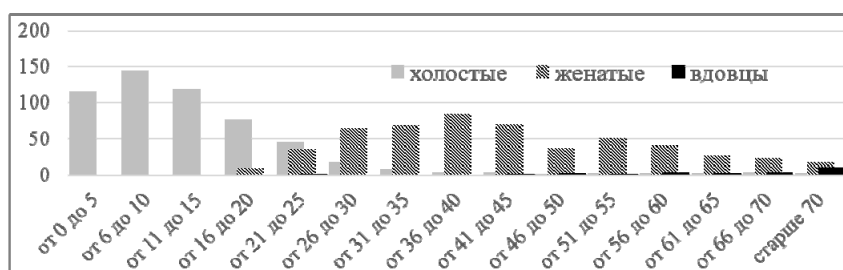

Рис. 9. Распределение брачных статусов по возрастам, мужчины

Самому молодому вдовцу тоже 25 лет, но относительно устойчивыми цифры по данному показателю для мужчин становятся только в возрастах старше 65 лет. Видимо, это связано с тем, что привлекательность мужчин на брачном рынке сохранялась дольше.

Таким образом, у жителей Красноярска в 1785 г. совсем не зафиксировано ранних браков (в возрасте до 16 лет), вероятный интервал массового вступления в брак для женщин относится к 21–25 годам, а для мужчин – к 23–28(30) годам.

Это не совпадает с брачным поведением, характерным для населения Европейской части России (Акользина 2003; Голикова 2006; Ломако 2019; Маркова 2013; Миронов 1990; Хабарова 2013), где прослежены весьма юные возраста невест и женихов.

Если проанализировать брачный статус в сочетании с социальным (см. рис. 10–12), то заметно, что у военных девиц в возрастах старше 25 лет почти нет, тогда как у крестьян их число почти равно замужним, а у казаков даже превышает. Но если у казаков в возрастах старше 30 лет в девицах осталась только одна особа (66 лет), то у крестьян такие встречаются практически во всех группах от 31 до 65 лет.

Вместе с тем у военных очень мало вдов, две из них в возрасте 30–40 лет, а еще три – старше 60 лет. У крестьян это устойчивая группа в возрастах старше 45 лет, а у казаков – старше 40.

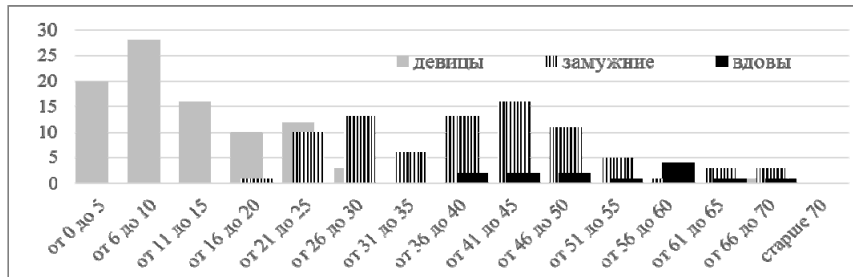

Рис. 10. Распределение брачных статусов по возрастам, женщины, казаки

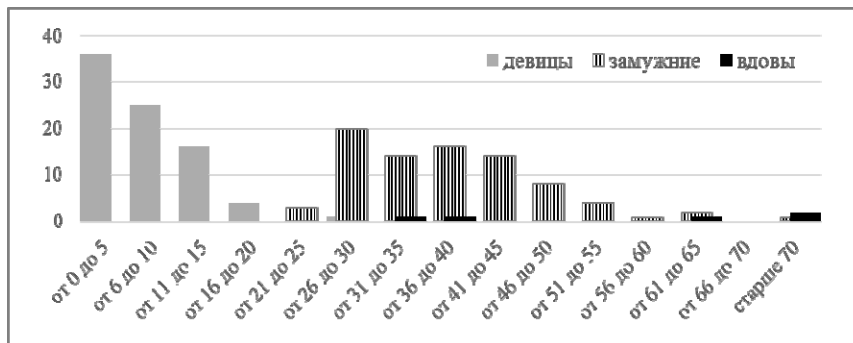

Рис. 11. Распределение брачных статусов по возрастам, женщины, военные

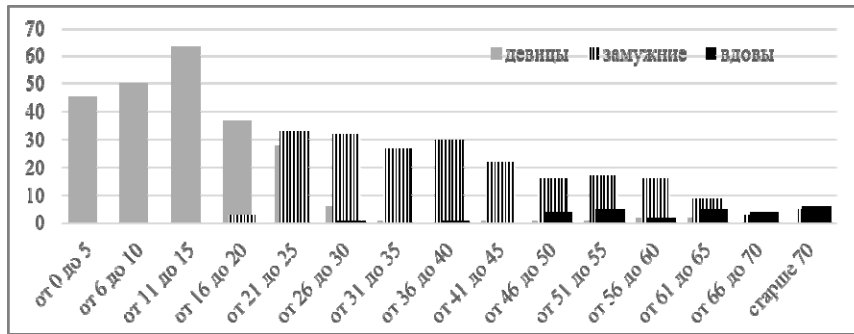

Рис. 12. Распределение брачных статусов по возрастам, женщины, крестьяне

Таким образом, возникает предположение, что женщины из социальных групп, обладающих определенной устойчивостью, не особенно торопились замуж. Это коррелирует с наблюдениями, сделанными автором по материалам брачных обысков Всехсвятской церкви г. Красноярска XIX в., согласно которым браки в возрасте 16–18 лет преимущественно совершались с женщинами из солдат, переселенцев и т. д. (Гуляева 2020).

Что касается мужчин, то у военных в группах от 20 до 30 лет женатых меньше, чем холостых (см. рис. 13). При этом холостые встречаются до 70 лет включительно, а вдовцы – только в пожилых возрастах.

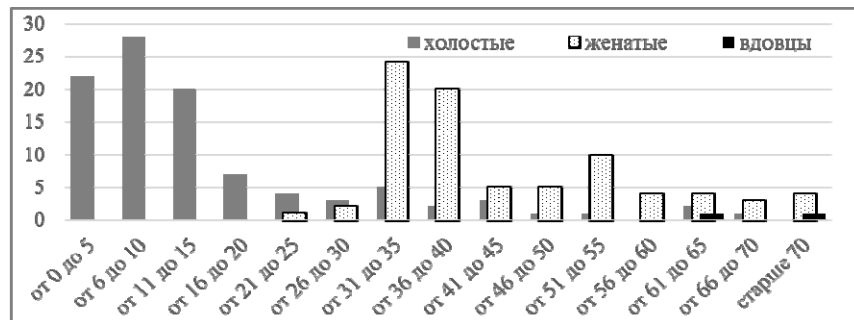

Рис. 13. Распределение брачных статусов по возрастам, мужчины, военные

У казаков и крестьян в группе от 21 до 25 лет количество холостых и женатых примерно равно друг другу (см. рис. 14, 15).

Но если у казаков холостяки в возрастах старше 30 лет практически отсутствуют, то у крестьян эта группа хоть и малочисленная, но устойчивая по всем возрастам до 60 лет.

Казаки-вдовцы сосредоточены преимущественно в самой старшей группе (трое из четырех), тогда как у крестьян вдовцы встречаются почти во всех старше сорока пяти.

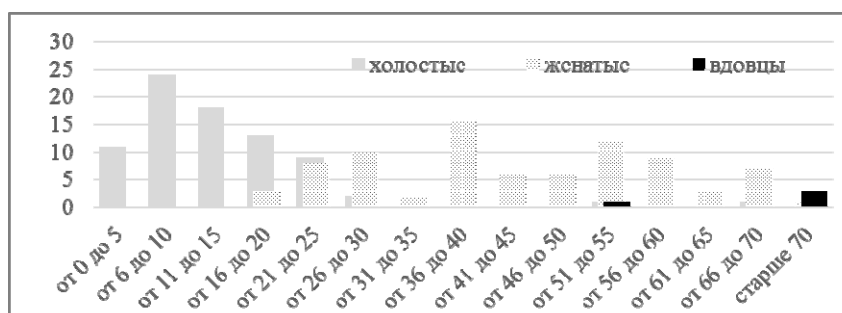

Рис. 14. Распределение брачных статусов по возрастам, мужчины, казаки

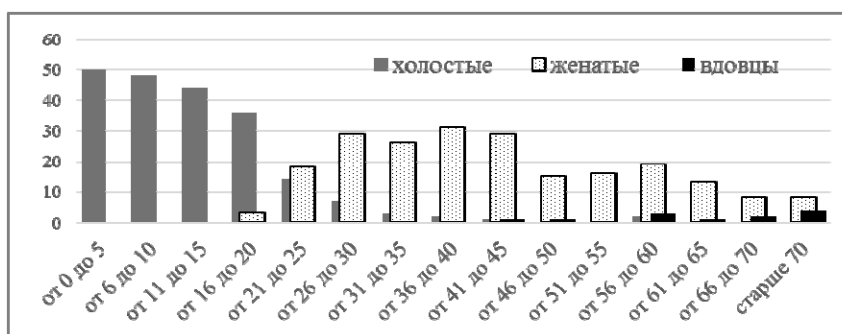

Рис. 15. Распределение брачных статусов по возрастам, мужчины, крестьяне

Объем наблюдений не позволяет однозначно утверждать, но позволяет предполагать, что связь брачного статуса и возраста более выражена у мужчин, чем у женщин. В особенности это касается возрастов до 30 лет. У женщин к этому возрасту подавляющее большинство замужем (сохранившие статус девицы – редкость, хотя и не исключение). У мужчин среди мещан и купцов холостяков старше 30 лет нет вообще, у казаков – 2, у крестьян – 8, у воен-

ных – 15, притом что мужчин-военных в 2,3 раза меньше, чем мужчин-крестьян.

То есть мужчины из менее самостоятельной социальной группы вступали в брак позже, чем остальные. Это косвенно подтверждается уже упоминавшимися наблюдениями по Всехсвятской церкви (Гуляева 2020) и исследованиями брачного поведения жителей Севастополя (Хабарова 2013).

Дополнительным аргументом, подтверждающим возраст вступления в брак, является возраст деторождения. Исповедные росписи не содержат прямых указаний на возраст матери и отца. Однако его можно вычислить через разницу количества лет родителей и детей.

Начнем с сопоставления возрастов матерей и детей с учетом социального положения (см. табл. 8, рис. 16).

Таблица 8

**Разница в возрастах матери и детей по сословным группам
(число случаев)**

Разница, лет	все		казаки		военные		крестьяне		мещане		купцы	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
меньше 5	3	0,3	2	1,1	0	0,0	1	0,2	0	0,0	0	0,0
от 6 до 10	6	0,5	1	0,6	0	0,0	3	0,6	1	0,7	1	1,2
от 11 до 15	20	1,8	6	3,4	1	0,6	6	1,3	1	0,7	4	4,9
от 16 до 20	87	7,6	13	7,4	12	7,2	27	5,6	14	10,3	7	8,6
от 21 до 25	240	21,1	34	19,3	35	21,1	98	20,4	36	26,5	21	25,9
от 26 до 30	296	26,0	44	25,0	56	33,7	122	25,4	28	20,6	18	22,2
от 31 до 35	227	19,9	45	25,6	34	20,5	84	17,5	25	18,4	18	22,2
от 36 до 40	179	15,7	21	11,9	24	14,5	86	17,9	26	19,1	11	13,6
от 41 до 45	61	5,4	10	5,7	2	1,2	39	8,1	4	2,9	1	1,2
от 46 до 50	15	1,3	0	0,0	1	0,6	12	2,5	0	0,0	0	0,0
больше 50	4	0,4	0	0,0	1	0,6	2	0,4	1	0,7	0	0,0

Обращают на себя внимание случаи, в которых разница в возрасте матери и ребенка составляет менее 15 лет. В том числе дважды «ребенок» оказался старше матери. Очевидно, что при отсутствии очень ранних браков здесь проявились мачехи с пасынками и падчерицами. Хотя за редким исключением в источнике нет прямого указания на повторный брак мужа, а все дети записаны за брачной парой как «дети их».

Относительно разницы в 16 лет (5 случаев) и 17 лет (8 случаев) ничего определенного утверждать нельзя. При полном отсутствии женщин, вышедших замуж в 16 лет, и исчезающе малом количестве семнадцатилетних жен их тоже можно рассматривать как проявление ситуации «мачеха и пасынки/падчерицы». Но однозначных свидетельств источник не дает.

Всего 10 случаев разницы в 18 лет, а вот разница в 19 лет зафиксирована 31 раз. Это сопоставимо с расчетными возрастными вступлениями в брак: в 17 лет – 14 случаев, в 18 лет – 17 и в 19 лет – 11. Промежуток в 1–2 года между заключением брака и рождением первого ребенка соответствует нормальной продолжительности протогенетического интервала.

Количество случаев, составляющих разницу в возрастах матери и ребенка, резко увеличивается для значений от 21 до 25 лет и достигает максимума в интервале 26–30 лет, постепенно затухая к диапазону от 41 до 45 лет. За пределами этих значений остаются единичные случаи.

Приведенные данные можно интерпретировать следующим образом: деторождения матерей в возрасте 17–18 и старше 45 лет являлись скорее исключением, чем правилом. Нормальным было появление первого ребенка у женщины от 19 до 21 года (31, 33 и 32 случая), а максимум одновременно живущих с матерью детей приходился на 28 лет (67 случаев).

Резкое сокращение случаев, где разница в возрастах матери и ребенка составляет 40 и более лет, в первую очередь, разумеется, трактуется как завершение фертильного периода.

Но следует обратить внимание, что в исповедных росписях отношения «дети – родители» сохраняются и фиксируются в том числе и для тех представителей младшего поколения, кто уже вышел не только из детского, но и из юношеского возраста. Например, совместно с основной брачной парой проживают взрослые

женатые сыновья со своими детьми. Соответственно, при подсчетах получается, что в домохозяйстве как минимум две матери, и у каждой собственные дети.

С другой стороны, росписи отражают не всех детей, рожденных матерью, и даже не всех выживших. Этот вид документов фиксирует только тех детей, которые проживают с матерью в одном домохозяйстве на период составления записей, и не фиксирует тех, кто к данному моменту умер, отселился или вышел в семью жены/мужа.

Поэтому сокращение количества случаев, для которых можно посчитать разницу в возрастах матери и ребенка, при возрасте матери старше 40 лет может иметь причиной не только завершение периода деторождения, но и выход дочерей замуж и/или отселение сыновей в самостоятельные домохозяйства.

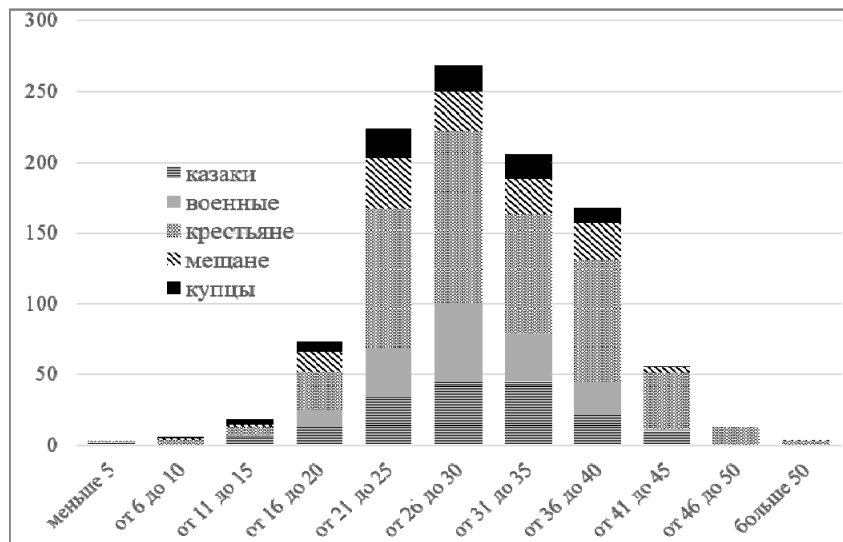

Рис. 16. Разница в возрастах матери и детей по сословным группам (число случаев)

При анализе разницы в возрастах матерей и детей с учетом социального положения заметно, что чаще всего значения менее 15 встречаются у купчих (6,1 % от числа всех наблюдений по группе) и казачек (5,1 %), значительно реже у крестьянок (2,1 %), еще реже у мещанок (1,4 %) и почти отсутствуют у жен военных (0,6 %). Возможно, это объясняется тем, что чем более основательное по-

ложение занимал мужчина, тем проще ему было, овдовев, найти новую жену значительно моложе себя.

Если у казачек сокращение количества случаев в возрастах от 35 до 45 лет происходит достаточно равномерно, то у крестьянок наблюдается значительное падение показателей между интервалами 36–40 и 41–45. Вместе с тем с разницей более 45 лет у крестьянок зафиксировано значимое количество случаев, тогда как у казачек и купчих такой показатель равен нулю, а у жен военных и мещан незначителен. Напрашивается объяснение, что у крестьянок немного дольше сохранялась фертильность.

При анализе распределения количества детей по возрастам матерей выявлено, что до сорокалетнего рубежа наблюдается прямая зависимость: для более старших возрастных групп характерно большее количество детей, одновременно проживающих с матерью (см. табл. 9). Группу 40–45 лет имеет смысл рассматривать как переходную, а для более старших возрастов характерна обратная зависимость: чем старше женщина, тем выше вероятность меньшего количества проживающих с ней детей.

Таблица 9

Распределение количества детей по возрасту матерей

матери лет	1 ребенок	2 ребенка	3 ребенка	4 ребенка	5 детей	6 детей	7 детей
до 25	15	8	1	2	0	0	0
26–30	24	24	4	6	0	0	0
31–35	15	18	17	8	0	1	0
36–40	15	12	13	9	6	4	1
41–45	14	13	13	14	5	3	0
старше 45	60	43	31	30	10	2	1

Это косвенно подтверждает предположение о том, что причиной сокращения количества случаев, для которых можно посчитать разницу в возрастах матери и ребенка, при возрасте матери старше 40 лет, может быть обособление повзрослевших детей.

Анализ разницы возрастов отцов и детей демонстрирует ситуацию, аналогичную описанной выше (см. табл. 10, рис. 17).

Разница в возрастах отца и детей по сословным группам

Разница, лет	все		казаки		военные		крестьяне		мещане		купцы	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
меньше 5	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0	0	0,0
от 6 до 10	1	0,1	0	0,0	0	0,0	1	0,2	0	0,0	0	0,0
от 11 до 15	3	0,3	0	0,0	0	0,0	0	0,0	1	0,8	1	1,4
от 16 до 20	38	3,7	4	2,6	6	3,7	13	2,9	9	7,6	2	2,9
от 21 до 25	148	14,5	17	11,0	16	9,8	63	14,2	26	21,8	16	23,2
от 26 до 30	222	21,7	27	17,5	45	27,4	95	21,4	25	21,0	18	26,1
от 31 до 35	210	20,6	30	19,5	39	23,8	86	19,4	25	21,0	14	20,3
от 36 до 40	174	17,0	33	21,4	19	11,6	83	18,7	14	11,8	14	20,3
от 41 до 45	104	10,2	19	12,3	16	9,8	50	11,3	7	5,9	2	2,9
от 46 до 50	53	5,2	16	10,4	5	3,0	23	5,2	4	3,4	2	2,9
от 51 до 55	24	2,4	4	2,6	6	3,7	11	2,5	3	2,5	0	0,0
от 56 до 60	27	2,6	4	2,6	5	3,0	12	2,7	3	2,5	0	0,0
от 61 до 65	8	0,8	0	0,0	4	2,4	2	0,5	1	0,8	0	0,0
от 66 до 70	6	0,6	0	0,0	2	1,2	2	0,5	1	0,8	0	0,0
больше 70	3	0,3	0	0,0	1	0,6	2	0,5	0	0,0	0	0,0

Отметим, что ситуации, при которых разница в возрасте с детьми составляет менее пяти лет у мужчин, в отличие от женщин, отсутствуют вообще. Суммарно случаев, где разница составляет 15 лет и меньше, всего четыре (у женщин – 29). Таким образом, мужчины гораздо реже, чем женщины, вступали в браки с партнером, у которого уже были сравнительно взрослые дети.

Количество случаев, где разница в возрасте составляет 16 лет, равно нулю, 17 лет – 4, 18 лет – 6 и 19 лет – 8. Эту группу можно рассматривать как пограничную, поскольку нельзя с уверенностью сказать, является ли мужчина отцом или отчимом.

Число ситуаций, при которых разница равна 20–25 годам, резко возрастает и начинает исчисляться десятками, достигая пикового значения для 34 лет (48 случаев).

Таким образом, следует полагать, что большинство мужчин становились отцами в возрастах старше 20 лет, а к 35 годам имели несколько детей.

Количество случаев, приходящихся на разницу в 40 и более лет, плавно снижается, что, как и у женщин, может свидетельствовать не только о затухании фертильности, но и об обособлении взрослых детей.

Вместе с тем обращают на себя внимание 17 случаев, где разница в возрасте отца и детей составляет более 60 лет, в том числе трижды – более 70. Хотя теоретически это возможно, с большей вероятностью можно предполагать, что таким образом проявляются ситуации, при которых для обоих супругов брак не первый, причем жена значительно моложе мужа, а дети являются родными для нее и усыновленными для него.

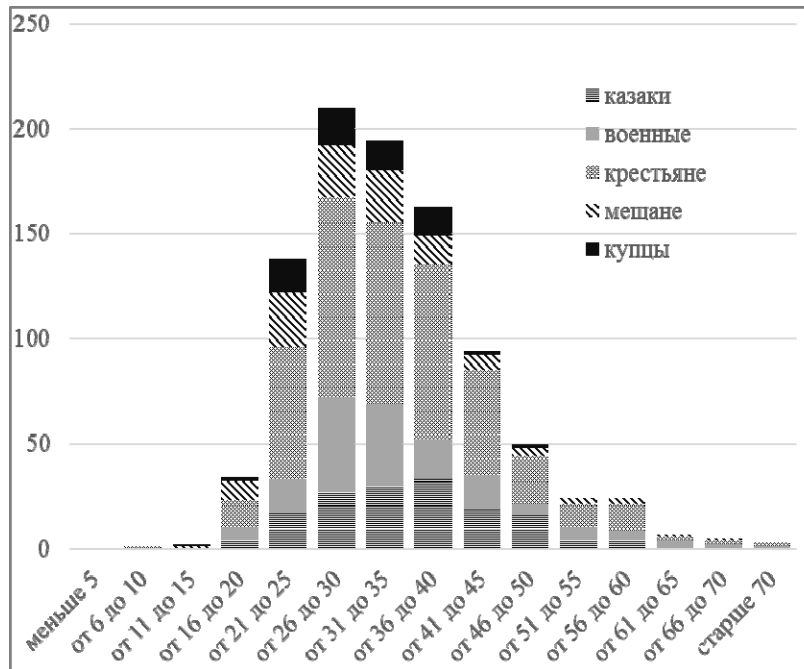

Рис. 17. Разница в возрастах отца и детей по сословным группам (число случаев)

При анализе разницы в возрастах отцов и детей с учетом социального положения заметно, что у купцов и мещан наибольшая до-

ля случаев с разницей в 21–25 лет (23,2 % и 21,8 % соответственно), а наименьшая – у военных (9,8 %).

У военных максимальное количество случаев приходится на интервал от 26 до 30 лет (27,4 %), что несколько расходится с установленной границей перехода от холостого состояния к семейному. Складывается впечатление, что солдаты отцами становились едва ли не быстрее, чем вступали в брак. В этой же группе самые высокие показатели для разницы в возрасте более 60 лет (суммарно 7,2 %).

У казаков, напротив, максимальное количество случаев приходится на 37 лет (15 случаев, диапазон от 36 до 40 лет составляет 21,4 %), что несколько позже, чем в целом по совокупности. У них же наиболее значимая доля случаев в интервале 46–50 лет (10,4 %), однако в группах более 60 лет значения равны нулю.

Аналогичная ситуация у купцов для разницы более 50 лет, а у крестьян и мещан доля случаев для интервала от 60 лет примерно по 1,5 %.

Таким образом, хотя сильной дифференциации по возрасту отцовства между социальными группами не наблюдается, описанные выше отклонения от общих значений в целом коррелируют с возрастными вступлениями в брак для каждой из групп, исключая военных. При этом у военных немногие становились отцами в возрасте 20–25 лет, в отличие от купцов и мещан. В сопоставлении с результатами рассмотрения интервалов, где разница составляет более 50 лет, получается, что военные позднее обзаводились детьми, и не всегда эти дети были родными, а не усыновленными. Косвенным подтверждением этому могут служить данные по разнице в возрастах супругов, изложенные выше.

Всего детей, проживавших с родителями одновременно, оказывается немного. Максимальное количество детей у брачной пары 7, но таких семей всего три. Поскольку часть детей проживает совместно с овдовевшим родителем, подсчет проводился отдельно по матерям и по отцам (см. табл. 11). Тем не менее, и среднее, и модальное количество детей на родителя совпали – 2,5 и 1 соответственно.

Таблица 11

Количество детей, одновременно проживающих с родителями

Количество детей	все		казаки		военные		крестьяне		мещане		купцы	
	счет по матери	счет по отцу	счет по матери	счет по отцу	счет по матери	счет по отцу	счет по матери	счет по отцу	счет по матери	счет по отцу	счет по матери	счет по отцу
1	149	125	24	24	20	17	52	44	23	17	24	6
2	121	106	18	15	17	17	52	48	9	9	18	5
3	84	76	12	12	12	12	34	31	11	7	12	6
4	73	59	12	6	9	9	32	27	11	11	12	4
5	23	24	3	4	2	1	12	13	3	3	3	2
6	11	13	1	2	5	6	4	5	0	0	1	0
7	3	3	1	1	0	0	1	1	0	0	1	1

Родителей с 3–4 детьми в 2–2,5 раза меньше, чем с 1–2, и примерно во столько же больше, чем с 5–6. При этом у крестьян, казаков и купцов ряд на убывание численности в зависимости от количества детей довольно равномерный, тогда как у мещан и военных несколько выпадают из общего тренда отцы с четырьмя детьми.

Интересно, что для священнослужителей в трех семьях зафиксировано по одному ребенку и по одной семье с двумя, тремя и пятью детьми. Это расходится с данными по Европейской России, где традиционно именно семьи священников считаются самыми многодетными (Миронов 1990). Наиболее близки показатели детности семей мещан Севера Европейской России (Мацук 2020), но и там зафиксирована большая доля семей с тремя и более детьми, включая те, где рождено восемь и десять детей (чего в Красноярске не наблюдается).

Таким образом, в населении Красноярска конца XVIII в. доля многодетных родителей значительно ниже, чем в Европейской России того же времени.

Картину могло бы изменить добавление гипотетического количества детей до года, которые не отражались в росписи. Однако анализ разницы возрастов детей, последовательно рожденных одной матерью, заставляет сомневаться в обоснованности такого действия (см. табл. 12).

Таблица 12

Разница в возрасте детей

Разница в возрасте детей, лет	все	казаки	военные	крестьяне	мещане	купцы
1	83	9	13	37	14	7
2	143	24	27	58	13	12
3	120	21	21	45	10	12
4	103	13	16	49	14	5
5	46	10	7	20	5	2
6	43	6	3	17	8	4
7	26	3	6	10	2	1
8	0	3	1	13	4	3
9	15	4	2	7	0	1
10	10	3	1	5	0	0
11	12	2	2	6	2	0
12	7	0	0	5	0	0
13	6	0	1	2	1	2
14	4	1	0	1	0	0
15	5	0	0	5	0	0
>15	9	2	0	5	1	1

Из приведенных данных очевидно преобладание коротких интергенетических интервалов. Среднее значение равно 4,3 (во многом удлинение произошло за счет семей, где разница составляет более 15 лет), тогда как модальное – двум.

Таким образом, промежуток между рожденьями учтенных детей является близким к минимально возможному для вынашивания, восстановления после родов и грудного вскармливания. Соответственно, механически увеличивать количество рождений не представляется возможным.

При этом достаточно большое количество детей, рожденных с разницей в год-два, не позволяет оправдать такое увеличение высокой смертностью младенцев в первые недели/месяцы жизни, возможным наступлением беременности в период грудного вскармливания и пр.

Данная ситуация характерна для всех значимых социальных групп. Значит, режим воспроизводства мало зависел от каких-либо специфических условий и был общим для населения в целом.

При анализе состава семей в основу положен принцип, предложенный П. Ласлеттом (1979). Однако схема классификации была изменена в соответствии с особенностями исследуемой совокупности. Базовым критерием является количество поколений в семье (см. табл. 13). Внутри каждой выделенной по этому критерию группы семьи распределяются по структуре. Дополнительная линия анализа связана с распределением по возрасту главы семьи.

В Красноярске совершенно отсутствуют одиночки, хотя все ранее указанные авторы обязательно обозначают такой тип домохозяйств по всем территориям Российской империи, пусть и в незначительном числе.

В первую очередь рассматривались семьи, совпадающие с домохозяйством. Домохозяйства, в составе которых насчитывается более одной семьи, были выделены в отдельную группу и затем подверглись анализу.

Таблица 13

Распределение семей по количеству поколений

	все	казаки	военные	крестьяне	мещане	купцы	священники	поселенцы	ясачные	дворяне	дети боярские	чиновники	дворяне
одно поколение	26	4	9	6	5	2							
два поколения	209	42	27	91	19	14	6	2	1		1	5	1
три поколения	82	15	4	39	12	5	2		1		2	2	
четыре поколения	2	1	1										

Очевидно, что преобладают двупоколенные семьи. Значительно меньше семей, в состав которых входят три поколения. Еще меньше тех, которые состоят из представителей одного поколения, и всего две включают четыре поколения. Эта пропорция сохраняется по всем основным социальным группам. Схожее распределение наблюдается на Украине (Сакало 2010; 2011) и на Урале (Банникова 2008; Васина 2009; 2015; 2016), в меньшей степени в окрестностях Москвы (Авдеев и др. 2015; Прохоров 2015) и Тамбовской губернии (Стрекалов, Стрекалова 2018).

Перейдем к рассмотрению однопоколенных семей (см. табл. 14).

Однопоколенные семьи

	все	казаки	военные	крестьяне	мещане	купцы
брачная пара	23	3	9	5	4	2
братская семья	2	1			1	
брачная пара + боковой родственник	1			1		
возраст мужа:						
до 30 лет	3	1	1		1	
30–39 лет	7		4	1	1	1
40–49 лет	1				1	
50–59 лет	11	2	3	4	1	1
60 и старше	4	1	1	1	1	

Подавляющее большинство в этой категории составляют бездетные брачные пары. Однако это преимущественно не молодые супруги, а люди старше 50 лет. Соответственно, можно предполагать, что выделение в самостоятельное домохозяйство молодых бездетных супругов происходило редко.

Братские семьи, по одной у казаков и мещан, представляют по две брачные бездетные пары в каждой. И в том и в другом случае возраст всех мужей более 50 лет.

Таким образом, существование однопоколенных семей отражает скорее не начало самостоятельной жизни молодой брачной пары, а завершающую фазу жизненного цикла семьи, которую социологи образно называют «пустое гнездо».

Двупоколенные семьи гораздо разнообразнее по структуре (см. табл. 15).

Таблица 15

Двупоколенные семьи

	все	казаки	военные	крестьяне	мещане	купцы
брачная пара с детьми	134	25	25	54	15	6
брачная пара родителей + дети в браке	27	6	1	14	2	3
брачная пара + родитель	3			2		1
в том числе брачная пара с детьми + свекровь				2		

Окончание табл. 15

	все	казаки	военные	крестьяне	мещане	купцы
холостые главы семейств	4			1	1	
вдовцы с детьми	4	1		2		
вдовы с детьми	19	6		8	2	1
в том числе:						
только с детьми	8	4		1	1	1
дети + золовка	2			2		
с детьми, состоящими в браке	7	1		5	1	
брачная пара + боковые родственники	9	2	1	3		1
в том числе:						
сестра мужа	5	2		2		
сестра жены	2			1		
братская семья	12	2		7	1	2
возраст главы семьи:						
до 30 лет	14	1		5	2	2
30–39 лет	49	9	16	17	2	3
40–49 лет	61	15	4	26	7	4
50–59 лет	49	11	5	23	4	4
60 и старше	36	6	2	20	4	1

Более половины таких семей составляют брачные пары с незамужними/неженатыми детьми. Не всегда это несовершеннолетние дети. Например, в семье казака Тимофея Ивановича и Софьи Семеновны Сиварсковых проживали холостой двадцатипятилетний сын и девятнадцатилетняя дочь.

Вторыми по количеству в этой категории являются семьи, в которых брачную пару родителей дополняет брачная пара детей, а иногда и не одна, но внуки отсутствуют. Так, в состав семьи крестьянина Михаила Борисовича и Евдокии Васильевны Ермолаевых, помимо незамужней дочери, входил и сын со своей женой.

Именно эти два варианта указываются исследователями как наиболее распространенные для Урала (Банникова 2008; Васина 2009; 2015) и Украины (Сакало 2010).

Следующая группа – это семьи, в которых дети живут со вдовым родителем. Суммарно она по количеству равна предыдущей,

но фактически распадается на три самостоятельных кластера в зависимости от места, которое занимает родитель в иерархии семьи.

Самый простой вариант – семьи вдовцов. Например, Федор Иванович Шехматов является главой семьи, в состав которой входят три незамужних дочери, холостой и женатый сыновья.

Во главе семьи могла стоять и вдова. В этом случае перечисление членов домохозяйства начиналось с нее, а дети, даже взрослые женатые сыновья, указывались ниже. Так, Евдокия Тимофеевна Нарлекова, вдова крестьянина 61 года возглавляла домохозяйство, в которое входили, помимо не состоящей в браке взрослой дочери, два женатых сына.

Однако вдова могла не начинать перечень членов домохозяйства, а завершать его. То есть, с точки зрения иерархии внутрисемейных отношений, находиться не на верхних, а на нижних ступенях. Например, в семье иррегулярного военного Семена Петровича Тетерина, холостого, 24 лет, указана его мать в возрасте 59 лет и 19-летняя сестра.

Попытки связать иерархическое положение вдовы в семье с ее возрастом, возрастом и брачным состоянием детей, социальным статусом ни к чему не привели. Соответственно, можно предположить, что определяющим в данном случае являлась личность самой женщины и особенности ее взаимоотношений с прочими домочадцами.

Вместе с тем необходимо отметить, что само по себе главенствующее положение матери-вдовы в двупоколенной семье не было чем-то исключительным. Подобные варианты встречаются в публикациях, посвященных самым разным территориям имперской России. Скорее всего, это могло восприниматься как логическое продолжение ситуации, где вдова воспитывает несовершеннолетних детей, затем их женит / выдает замуж, сохраняя власть в семье в своих руках. В Красноярске в двух случаях эта власть распространялась не только на своих детей, но и на боковых родственников – сестер умершего мужа.

Вообще проживание боковых родственников в двупоколенных семьях встречается всего в девяти случаях. Как правило, это сестры мужа, реже – сестры жены.

Интерес представляют братские двупоколенные семьи. У купцов и казаков все главы братских семейств старше 40 лет, у крестьян только в одном домохозяйстве главе семьи 38 лет, и еще в одном – 29 лет. Причем в первом случае глава и его брат не женаты,

с ними проживает незамужняя 50-летняя сестра и невестка 48 лет с двумя сыновьями, которым исполнилось 17 и 13 лет. Во втором случае в состав семьи входят, помимо женатого, но бездетного главы, не состоящие в браке брат и две сестры, а также еще один брат с женой и двумя малолетними детьми. Единственная мещанская братская семья включает двух неженатых братьев (24 года и 16 лет) и сестру с мужем.

Таким образом, принимая во внимание возраст старших мужчин в братских семьях, их сложно интерпретировать как временное состояние, возникающее после смерти общего отца и до обособления каждого из братьев. Представляется более оправданным трактовать такие семьи как один из нормальных, хотя и не самых распространенных вариантов ведения домохозяйства.

На общем фоне исключением выглядят скорее семьи, главы которых не состоят и не состояли в браке. О двух из них говорилось выше (крестьянская братская семья и мещанская братская семья). Еще два домохозяйства, возглавляемые холостыми мужчинами 19 и 20 лет, относятся к группе чиновников (копиисты). Молодые люди носят одну фамилию, но, судя по отчествам, братьями не являются. Проживают совместно с младшим братом/сестрой и вдовой-матерью.

Эти домохозяйства отличаются и юным возрастом, и брачным статусом глав семей. Не исключено, что расположение в начале списка домочадцев на самом деле не совсем верно отображает реальное распределение ролей в семье. Возможно, они указаны в качестве глав семей как единственные члены домохозяйства, имеющие постоянный заработок, и/или именно им юридически принадлежит жилье или выделена казенная квартира. К такому предположению подводит анализ домохозяйств, в составе которых насчитывается более одной семьи, о чем будет сказано ниже.

При анализе распределения по возрастам глав двупоколенных семейств заметно, что наибольшее число принадлежит 40-летним, при этом на 30- и 50-летних приходится равное количество случаев. Тот факт, что более половины двупоколенных семей являются брачными парами с детьми, косвенным образом подтверждает изложенные выше заключения о сравнительно позднем возрасте вступления в брак и деторождения.

Нельзя сказать, что трехпоколенные семьи демонстрируют принципиально новые варианты структуры (см. табл. 16). Скорее это количественное, а не качественное изменение.

Трехпоколенные семьи

	все	казаки	военные	крестьяне	мещане	купцы
брачная пара родителей + дети в браке с детьми	32	4	2	19	5	1
1 родитель + дети в браке с детьми	19	5		10	1	1
в том числе:						
Вдовец + дети в браке с детьми	10	2		6		1
Вдова + дети в браке с детьми	9	3		4	1	
брачная пара с детьми + родитель	22	4	1	7	5	3
в том числе:						
брачная пара с детьми + свекровь	14	2	1	4	4	1
брачная пара с детьми + теща	7	1		3	1	2
брачная пара с детьми + свекор	1	1				
братские семьи	4	1	1	1	1	
семьи с боковыми родственниками-одиночками	4	1		2		
семьи с боковыми родственниками с семьями	1					
возраст главы семьи:						
до 30 лет	4	1			2	
30–39 лет	11	1	1	4	2	1
40–49 лет	16	2	1	7	3	2
50–59 лет	13	4		6	1	1
60–69 лет	17	4	2	9	2	
70 и старше	21	3		13	2	1

Примерно две пятых от всех трехпоколенных семей составляют домохозяйства, включающие брачную пару, их детей и внуков. В определенной мере их можно воспринимать как развитие двухпоколенных семей, состоящих из брачных пар старшего и младшего поколений. При этом возраст старшей пары может варьироваться в достаточно широком диапазоне от 54 до 87 лет.

Видимо, в качестве усеченной версии описанного варианта следует воспринимать ситуацию, при которой во главе домохозяйства стоит овдовевший родитель, за ним следуют дети и внуки. Об-

ращает на себя внимание то обстоятельство, что количество вдовцов и вдов, возглавляющих трехпоколенные семьи, практически одинаково. Это отличается от соотношения аналогичных позиций в двухпоколенных семьях, где вдов с детьми почти в пять раз больше, чем вдовцов с детьми. Не исключено, что объяснение связано со структурой брачного рынка, о которой говорилось выше – овдовевшему мужчине до 40–50 лет проще было найти новую пару, чем женщине, а после 50–60 лет это оказывалось маловероятно для представителей обоих полов.

Заметная доля трехпоколенных семей, возглавляемых вдовами, отличает Красноярск от Украины (Сакало 2010) и Тамбова (Стрекалов, Стрекалова 2018), где исследователи подобного варианта не отметили. Примечательно, что по этим же территориям отмечается паритет или даже преобладание расширенной семьи над нуклеарной.

При рассмотрении ситуаций, где представители старшего поколения не занимают приоритетные позиции в иерархии семьи, заметно, что совместное проживание со свекровью встречается в два раза чаще, чем с тещей. Можно предположить, что матери мужа было проще оставаться на своей территории, пусть и с потерей внутрисемейного статуса, чем матери жены приходить в чужой для нее дом.

В трехпоколенных семьях дважды встречается и нетипичная ситуация: старший по возрасту мужчина занимает подчиненное положение.

В одном случае это крестьянин 79 лет, тесть казака, брата главы семьи. Видимо, в силу возраста или иных причин он оказался не в состоянии вести хозяйство сам, а родственников ближе, чем семья дочери, судя по составу фамилий, в приходе не оказалось.

Второй случай интересен тем, что ведущее место в иерархии занимает казачий голова 47 лет, а его отец (возраст не указан) записан последним из членов домохозяйства. Не исключено, что такое распределение ролей связано с особым статусом казачьего головы, которому, возможно, невместно было оставаться на подчиненном положении в собственном доме.

Братские трехпоколенные семьи, по сути, являются расширенной версией двухпоколенных и в этом смысле особого интереса не представляют.

Среди семей с боковыми родственниками-одиночками три случая из четырех представляют тети главы семьи и один упоминавшийся выше тесть брата главы домохозяйства.

Единственный случай, при котором в состав семьи входят две брачные пары не братьев и не родителей – детей, встречен у ясачных. Главой домохозяйства является Михаил Михайлович Филатов 25 лет. Далее в списке указаны его жена и две незамужние сестры, а последние строчки занимают дядя Иван Иванович Филатов 60 лет с супругой. Без дополнительной информации трудно строить предположения, как могла сложиться такая ситуация. Наиболее вероятным представляется следующее: собственником домохозяйства был отец Михаила Михайловича и брат Ивана Ивановича, передавший наследство сыну. Последний по смерти отца занял главенствующее положение.

Из не вошедших в сводную таблицу по трехпоколенным семьям случаев интерес представляют несколько ситуаций, которые, возможно, являются отражением повторных браков с повторным овдовением матери главы семьи. Например, у мещанина Василия Тимофеевича Толщина 27 лет в составе домохозяйства, помимо собственных жены и детей, указана мать, вдова Прасковья Львовна, 51 год. Ниже записаны ее дети Тимофей 21 года и Пелагея 16 лет. Привлекает внимание то, что в документе они обозначены как дети вдовы, но не брат и сестра главы домохозяйства. Возможно, что вдова просто переехала к ранее отделившемуся сыну после смерти общего для всех ее детей отца, что и поместило их в конец списка домочадцев. Но возможно, что Тимофей и Пелагея – дети от другого брака, который тоже закончился смертью супруга, и они не родные, а сводные для Василия Тимофеевича. Этим и объясняется формулировка «дети ея» и самые последние места в иерархии семьи.

Анализ, проведенный по возрастам глав семейств, показывает смещение к возрастам старше 60 лет, что ожидаемо, учитывая возраст вступления в брак и деторождения.

Четырехпоколенных семей всего две. В состав одной из них входят только казаки. Главой является 60-летний Иван Иванович Обжерин, у которого два холостых сына и один женатый, тоже с двумя детьми, четырех и двух лет. Четвертое поколение представляет отец Ивана Ивановича, Иван Захарович, 88 лет. Уместнее всего предположить, что статус главы семьи был передан сыну в связи с преклонным возрастом отца, уже не справлявшегося с обязанностями.

	все	казаки	военные	крестьяне	мещане	купцы	священники	поселенцы	ясачные	дети боярские	чиновники	дворяне
из них вдова – глава домохозяйства	4			4								
с семьями подворников/служителей	6				3			3				
больше 2 семей	14		9		1	2					1	1
из них:												
с дворовыми	4		2								1	1
с работниками	1					1						

Рассмотрим первую подгруппу – семьи, проживающие совместно с одним посторонним человеком. Среди посторонних встречаются лица, чья сословная принадлежность совпадает с основной семьей. Такая ситуация прослеживается в домохозяйствах одного сына боярского, двух казаков и восьми солдат. У крестьян в двух случаях наблюдается холостой мужчина, не связанный родственными отношениями с основной семьей; в одном случае – вдова крестьянина 71 года, об отношениях которой с остальными членами домохозяйства ничего не сказано; и одинокий домохозяин, совместно с которым проживает семейная пара.

Таким образом, подавляющее большинство описанных ситуаций приходится на военно-служилые сословия. Возможно, это размещение на постой или сдача жилья внаем.

Сдача внаем наиболее вероятна для последнего из перечисленных крестьян. Кроме того, аналогичные случаи зафиксированы у вдовы военного и вдовы мещанина. И там, и там женщины обозначены как главы домохозяйств, родственная связь с семьей, члены которой перечислены ниже, не прослеживается.

Особую, хотя и малочисленную категорию составляют подворники и поселщики, встреченные в домохозяйствах мещан, казаков и крестьян. Пока не установлено, в чем именно разница в статусах подворника и поселщика, но скорее всего, это зависимые от домохозяина свободные люди, проживающие под одной крышей с его семьей.

Возможно, к ним следует присоединить три случая, где статус постороннего не указан (дворянская, купеческая и крестьянская семья). Но не исключено, что сословная принадлежность упущена по небрежности составителя, и это просто сдача жилья внаем. Или, учитывая, что во всех трех случаях посторонними являются женщины старше 60 лет, а две из трех семей обладают высоким статусом, речь может идти о благотворительности, принятии на иждивение и т. п.

Во второй подгруппе значительную долю составляют совместно проживающие формально равнозначные семьи. По одному случаю у священнослужителей, купцов, казаков, мещан; два случая у чиновников, пять у военных и восемь у крестьян. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что у мещан, казаков и крестьян во всех перечисленных ситуациях относительно второй семьи записано «на подворье...», и далее указан глава домохозяйства. Источник не позволяет определить, какого рода отношения связывали семью хозяев и семью, живущую у них на подворье.

У купцов, священнослужителей, чиновников, военных и ссыльных аналогичных записей нет. Однако купеческие семьи Ошаровых и Мукасеевых, проживающие совместно, относились к достаточно известным в Красноярске и могли быть связаны деловыми интересами или отдаленным родством.

В домохозяйство священнослужителей входят семья протопопа Воскресенского собора Алексея Михайловича Михайлова и дьячка Петра Николаевича Беляева. Поскольку проживание причта при церкви было обычным делом, такое совместное проживание удивления не вызывает.

Столь же обычным представляется нахождение под одной крышей двух семей ссыльных/поселенцев, поскольку их определяли на место жительства административным порядком.

Относительно военных и чиновников складывается впечатление, что речь идет о казенном или наемном жилье. Так, например, главой одного из домохозяйств записан подканцелярист Петр Петрович Суриков 21 года. С ним проживают брат 14 лет и сестра 18 лет. В том же домохозяйстве значится подканцелярист Александр Лаврентьев 47 лет с женой. Примечательно, что более высокое место в иерархии занимает не старший по возрасту, а младший.

Схожая ситуация и у семейств канцеляристов Реневых и Клементьевых, хотя разница в возрасте не столь велика – 55 лет у главы домохозяйства и 67 у главы второй семьи.

Выше говорилось о двух двухпоколенных семьях, главами которых указаны юные копиисты, проживающие с матерями и братом/сестрой. Соединив с изложенными данными о семьях канцеляристов и подканцеляристов, получаем не слишком обнадеживающий образ жизни семьи мелкого чиновника провинциального города, что неоднократно описано и в художественной, и в научной литературе (Гончаров 2002).

У солдат в четырех случаях из пяти разница в возрасте глав семей, проживающих совместно, составляет не более двух лет. Только в одном варианте главе домохозяйства, подпрапорщику Григорию Яковлевичу Потылицыну, 39 лет, а главе второй семьи – фурьеру Ивану Яковлевичу Рахманову – 73 года. Но возможно, что в данном случае определение главы домохозяйства было привязано к чину.

Ко всем описанным случаям второй подгруппы примыкают три домохозяйства, семьи в составе которых относятся не к одному сословию, но достаточно близки по статусу. Это чиновники и военные (коллежский протоколист и поручик как главы семей), казаки и мещане, крестьяне и военные (отставной драгун). Скорее всего, связаны они были отношениями найма.

Иные отношения связывают членов трех домохозяйств, главы которых принадлежат к мещанам. Это подворники и служители, которые живут собственной семьей на дворе своих хозяев. Несколько неожиданным оказалось то, что и у ссыльных/поселенцев тоже были свои подворники. Количество таких домохозяйств три, как и у мещан. Какой-либо зависимости по возрасту, составу семей и т. п. не выявлено.

Для данной подгруппы характерна довольно высокая доля вдов среди глав семей. При этом три из них являются и главами домохозяйств, принадлежа к крестьянскому сословию.

Среди вдов, чьи семьи указаны в составе домохозяйств во вторую очередь, встречаются вдовы мещанина, фурьера и двух крестьян.

Напрашивается предположение, что, утратив мужа, женщины были вынуждены либо привлекать дополнительный источник дохода, принимая жильцов, либо, наоборот, потеряв прежнее место жительства, искать новое, но уже не свое, а съемное.

Последнюю подгруппу составляют домохозяйства, в составе которых более двух семей.

У мещан такое домохозяйство одно. На подворье Семена Карповича Бастрыкова проживают мещанин Михаил Иванович Токарев с женой и дочерью и мещанская вдова Мария (Мая?) Ивановна Пустенкова. Таким образом, этот вариант отличается от аналогичных, рассмотренных в рамках второй подгруппы, только количественно.

То же самое можно сказать и о подворье купца Федора Павловича Пьянова, где, помимо основной семьи, проживают еще три купеческих – Душиных, Пастуховых и Мининых. Иная картина наблюдается в домохозяйстве купца Петра Леонтьевича Пороховщикова. Здесь вслед за семьей хозяина записана няня Майя Кононовна Воротникова. Затем идут семья Василия Ивановича Стогова с четырьмя детьми, Прасковьи Алексеевой с тремя дочерьми и Емельян Иванович Шалин. Все перечисленные лица обозначены как работники купца. Соответственно, в отличие от двора Ф. П. Пьянова, данное домохозяйство является единым экономически, хотя не все его члены связаны родством.

Некоторые черты сходства можно обнаружить между купеческим домохозяйством с большим количеством работников и домохозяйствами, в состав которых входят дворовые.

Всего насчитывается четыре домохозяйства, где проживают со своими дворовыми людьми военный комендант И. И. Брангаузен в чине подполковника, бывший воевода князь И. Я. Пелымский, его брат отставной прапорщик В. Я. Пелымский и судья Я. И. Половодов. Дворовые живут как семьями, так и одиночками, с детьми и родителями. Таким образом, домохозяйства с дворовыми, хотя и совпадают структурно с купеческими дворами, имеющими работников, по сути являются совершенно иным типом, поскольку объединены внеэкономическими отношениями.

Нетипичное для Красноярска явление представляет домохозяйство, включающее только три семьи дворовых секунд-майора Петра Тархова. Хозяин в исповедной росписи по городу не числится.

Особо выделяются многосемейные домохозяйства военных. В их составе семьи с малолетними детьми, семьи с солдатскими матерями, бездетные пары и одиночки. Среди глав семей нет вдов. Количество человек колеблется от 4 до 30.

Складывается впечатление, что это казармы или солдатские избы в расположении Красноярского отдельного батальона. Предположение подтверждается тем, что 6 из 7 таких домохозяйств числятся в приходе Покровской церкви, к которой и относился батальон.

Таким образом, хотя структурно домохозяйства последней подгруппы схожи между собой, причины формирования и характер связи между составляющими их людьми различны.

Подведем итоги.

Возрастно-половая структура населения Красноярска на 1785 г. существенно отличается от населенных пунктов Европейской России в первую очередь соотношением трудоспособных и нетрудоспособных возрастов. При этом в основном за счет большей доли старшего поколения. Сопоставление с данными по Томску позволяет выдвинуть предположение о сибирской специфике, но эта гипотеза должна быть тщательно проверена.

Модель возрастно-половой пирамиды, особенно с учетом социального статуса, не соответствует распространенным представлениям о возрастно-половой структуре традиционного общества. Сравнительно неширокое основание, отсутствие резкого сужения в верхней части приближают ее к моделям городского населения более позднего времени. Сокращения численности женщин в возрастных группах от 16 до 20 и от 31 до 35 лет не могут быть объяснены смертностью при родах, поскольку модальные возраста деторождения определены иначе.

В результате проведенного анализа была выдвинута гипотеза, согласно которой профиль возрастно-половых пирамид, построенных по сословиям, во многом определяется не естественным движением населения, а социальным. Особенно ярко это проявляется при сравнении военных и крестьян: если у первых наблюдаются значительные колебания численности по возрастам как мужчин, так и женщин, то последние демонстрируют наибольшую устойчивость.

При рассмотрении брачного поведения отмечается преобладание небольшой разницы в возрастах супругов (до пяти лет). При этом наиболее распространенным вариантом остается старшинство мужа, но количество жен, которые старше мужей, больше числа ровесников.

При увеличении разницы в возрасте количество наблюдений падает от категории к категории, причем возрастает преобладание мужей старше жен.

Поскольку распределение численных значений по категориям разницы в возрасте супругов для всех социальных групп однообразно, то можно предполагать, что описанная ситуация являлась общей для брачного рынка Красноярска в целом и не зависела от социальной принадлежности партнеров.

Если приоритет численности категории, в которой муж старше жены, встречается по большинству описанных исследователями территорий Российской империи, то значительное число жен, которые старше мужей на 1–5 лет, является спецификой Красноярска.

Информация о возрасте вступления в брак была получена путем сопоставления брачных статусов и возрастов лиц, внесенных в исповедные росписи. В итоге для женщин интервал смены статуса с девичьего на брачный определен с 21 до 25 лет, у мужчин он растянут и сдвинут в сторону тридцатилетия. При этом в популяции не обнаружено браков, заключенных в возрасте моложе 17 лет, ни у мужчин, ни у женщин. Последнее резко расходится с данными по Европейской России, где ранние браки встречаются часто.

Хотя вдовы зафиксированы во всех возрастах старше 25 лет, устойчивость данная категория обретает ближе к 50-летнему возрасту. Складывается впечатление, что женщина старше 40 лет еще считалась бракоспособной, а старше 50 – нет. У мужчин устойчивый рост численности вдовцов происходит в возрастах старше 55 лет, что позволяет предполагать за ними более длительное сохранение брачной привлекательности.

Анализ брачных статусов с учетом социального положения позволяет предполагать различия брачных стратегий мужчин и женщин из разных сословных групп. Во-первых, складывается представление, что чем благополучнее положение социальной группы, тем невесты в среднем старше. Во-вторых, представляется обоснованным вывод о большей связи социального и брачного статуса у мужчин, чем у женщин. Солдаты как представители наименее самостоятельной в социально-экономическом отношении группы вступали в брак позже, чем остальные.

Вычисление возрастов деторождения осуществлялось по принципу, аналогичному исчислению возрастов вступления в брак.

Определено, что модальными возрастными появлением первого ребенка являются 21–25 лет и для мужчин, и для женщин.

Выявлены ситуации, которые можно рассматривать как проявления усыновления детей от предыдущего брака одного из супругов. К ним относятся случаи, при которых разница в возрасте детей и родителей составляет менее 15 или более 60 лет. Распределение таких наблюдений по полу показывает, что у женщин чаще встречаются ситуации с малым возрастным разрывом, а у мужчин – с большим. Это косвенно подтверждает выводы о разной продолжительности бракоспособного возраста.

В сочетании с данными по социальной принадлежности картина становится более яркой: если количество случаев, при которых разница в возрасте матери и детей менее 15 лет, больше всего у купцов, то ситуаций, где отцы старше детей на 60 лет и более, больше у военных. У последних к тому же наблюдается превышение модальных возрастов вступления в брак над возрастными отцовства, что может трактоваться как женитьба на вдовах с детьми.

Соответственно, результаты исчисления брачного возраста и возраста деторождения служат друг для друга средствами перекрестной проверки и помогают выдвинуть ряд предположений, которые имеет смысл подвергнуть анализу при последующих исследованиях.

Исчисление среднего и модального количества детей, на момент составления документа проживающих с родителями, опровергает широко распространенные представления об обязательной многодетности семей доиндустриального общества и хорошо сочетается с результатами расчета демографической нагрузки, о которых говорилось выше.

Анализ разницы возрастов детей, рожденных одной матерью, показывает, что интергенетический интервал близок к минимально возможному для вынашивания, восстановления после родов и грудного вскармливания. Соответственно, нельзя объяснить небольшую долю многодетных семей только младенческой смертностью.

При рассмотрении состава семей выявлено, что преобладающим вариантом является двухпоколенная семья, состоящая из детей и родителей. Причем, учитывая возраст глав семей, однопоколенные семьи, представленные брачными парами, следует считать не

началом жизненного цикла, а его завершением. В целом линия развития семьи представляется следующей:

1. Выделение из родительской семьи одного или нескольких детей, состоящих в браке и имеющих собственных детей, в самостоятельные домохозяйства.

2. Рост выделенных семей количественно за счет деторождений и качественно – за счет вступления в брак и обзаведения потомством детей главы домохозяйства, присоединения боковых родственников и пр.

3. Выделение детей главы семьи в отдельные домохозяйства.

4. Пожилая брачная пара без детей / овдовение одного из родительской брачной пары с сохранением за ним статуса главы дву- или трехпоколенной семьи / овдовение одного из родительской брачной пары (за редким исключением – жены) и передача статуса главы домохозяйства старшему из проживающих совместно сыновей.

Особое место занимают домохозяйства, в состав которых входят несколько самостоятельных, не связанных узами родства семей. При отсутствии данных о благосостоянии каждой из них можно лишь предполагать, чем обеспечивается совместное проживание. Представляется, что наиболее вероятным вариантом для купцов, мещан, казаков и крестьян это сдача жилья внаем или содержание работников; для дворян, высокопоставленных чиновников и военных – содержание дворни; для мелких чиновников и солдат – использование казенных квартир.

Итак, наиболее распространенным вариантом семейно-брачных отношений в Красноярске на 1785 г. являлась двупоколенная семья, состоящая из родителей и детей, со средней численностью 4–5 человек, выделенная в самостоятельное домохозяйство уже после заключения брака и появления потомства. Возраст вступления в брак и рождения ребенка приходился на период от 21 года до 25 лет для женщин и несколько позже для мужчин. Существенных различий между сословными группами не выявлено, но ряд наблюдений позволяет предполагать большую зависимость семейного статуса от социального для мужчин, нежели для женщин.

Литература

Авдеев, А. А., Ульянова, Г. Н., Троицкая, И. А. 2015. Сословные различия в структурах домохозяйств в XIX в.: Москва и ее окрестности. *Демографическое обозрение* 2(2): 74–91.

Акользина, М. К. 2003. Особенности демографического поведения населения Моршанска Тамбовской губернии в первой половине XIX века. *Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки* 4(32): 74–78.

Банникова, Е. В. 2008. Уральское купечество в 30-е годы XIX века: социографические характеристики и облик семьи. *Вестник Челябинского государственного университета. № 24. Сер. История* 26: 32–41.

Васина, Т. А.

2009. Удмуртская православная сельская семья в конце XVIII века (анализ духовной росписи 1795 г.). *Вестник Самарского государственного университета* 7(73): 20–24.

2015. Духовные росписи как источник по истории семьи населения Пудемского завода конца XVIII – начала XIX в. *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета* 12: 67–73.

2016. Духовные росписи как источник по истории семьи (на примере Бемшевского завода конца XVIII – начала XIX в.). В: Исупов, В. А. (отв. ред.), *Демографическая история России и регионов. Вып. I. Проблемы источников*. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН. С. 39–48.

Голикова, С. В. 2006. Демографический потенциал крестьянского хозяйства Зауралья (на примере Баклановской волости Шадринского уезда конца XVIII века). *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 6: 188–193.

Гончаров, Ю. М. 2002. Материальное положение чиновничества Сибири во второй половине XIX – начале XX в. *Известия Алтайского государственного университета* 4(26): 20–28.

Гуляева, Н. П. 2020. Использование архивных источников в исторических исследованиях социально-демографической структуры населения. В: Мунге, Б. В. (отв. ред.), *Архив: история и современность. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 90-летию Национального архива Республики Тыва*. Кызыл: Национальный архив Республики Тыва. С. 51–57.

Кискидосова, Т. А. 2020. Брачность, рождаемость и смертность православного населения сибирского города во второй половине XIX в. (на примере метрических книг православных церквей Минусинска). *Вестник Томского государственного университета* 450: 120–126.

Ласлетт, П. 1979. Семья и домохозяйство: исторический подход. В: Вишневский, А. Г., Кон, И. С. (ред.), *Брачность, рождаемость семья за три века*. М.: Статистика. С. 132–158.

Ломако, Е. Л. 2019. Брачные обыски последней четверти XVIII века как источник по стратификации городского общества екатерининской эпохи. В: Фукс, А. Н. и др. (ред.), *История московского края: проблемы, исследования, новые материалы. Материалы научно-практических конференций, посвященных 400-летию завершения Смуты в России*. М.: Московский государственный областной ун-т. С. 31–38.

Маркова, М. А.

2013. Брачное поведение сельского населения Санкт-Петербургской губернии в XVIII – первой половине XIX в. (по материалам ревизского и церковно-приходского учета). *Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании* 2(4): 080–085.

2020. Семья помещичьих крестьян Санкт-Петербургской губернии середины XIX века (по данным исповедных росписей Царскосельского уезда). *Научный диалог* 1: 386–399.

Мацук, М. А.

2019. Купечество города Усть-Сысольска по ревизии 1795 г.: демографические аспекты. *Историческая демография* 2: 10–13.

2020. Мещане города Усть-Сысольска: уровень детности по ревизской сказке 1795 года. *Историческая демография* 1: 13–14.

Медков, В. М. 2002. *Демография: учеб. пособие*. Ростов н/Д.: Феникс. 448 с.

Мионов, Б. Н.

1990. *Русский город в 1740–1860-е годы: Демографическое, социальное и экономическое развитие*. Л.: Ин-т истории СССР. 276 с.

2009. *Историческая социология России*. СПб.: СПбГУ Интерсоцис. 536 с.

Ночовный, Ю. В. 2014. Половозрастная и брачная структура населения городка Пирятин Лубенского полка во второй половине XVIII века (по материалам исповедных росписей 1758 года). *Историческая демография* 2: 9–14.

Прохоров, М. Ф. 2015. Крестьянская семья Подмосковья в период Отечественной войны 1812 года: численность, состав, структура. *СЕРВИС PLUS* 9(2): 91–99.

Сакало, А. Е.

2010. Домохозяйства сельского населения Левобережной Украины во второй половине XVIII века: типология и структура на примере села Са-

винцы Пирятинской первой сотни Лубенского полка. *Историческая демография* 2: 13–16.

2011. Документы церковного происхождения XVIII в. как источники историко-демографических исследований: исповедные ведомости. *Историческая демография* 2: 72–75.

Сердюк, И. А. 2012. Детская смертность в Левобережной Украине во второй половине XVIII в.: историко-демографический анализ данных метрической книги Христорожественской Церкви местечка Ярьски Миргородского полка. *Историческая демография* 2: 9–14.

Стрекалов, Д. В., Стрекалова, Н. В. 2018. Структура и типология провинциальной городской семьи в конце XVIII – первой половине XIX века (на материалах Тамбова). *Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки* 23(172): 119–130.

Хабарова, О. В. 2013. Динамика показателей брачного поведения жителей Севастополя в XIX в.: анализ базы данных, созданной по материалам метрических книг. *Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании* 2(4): 086–100.

Щеглов, С. Г., Меженина, О. В. 2016. Половозрастной состав в мещанском сословии в городах Томской губернии в первой половине XIX в. *Известия Алтайского государственного университета* 4(92): 155–160.